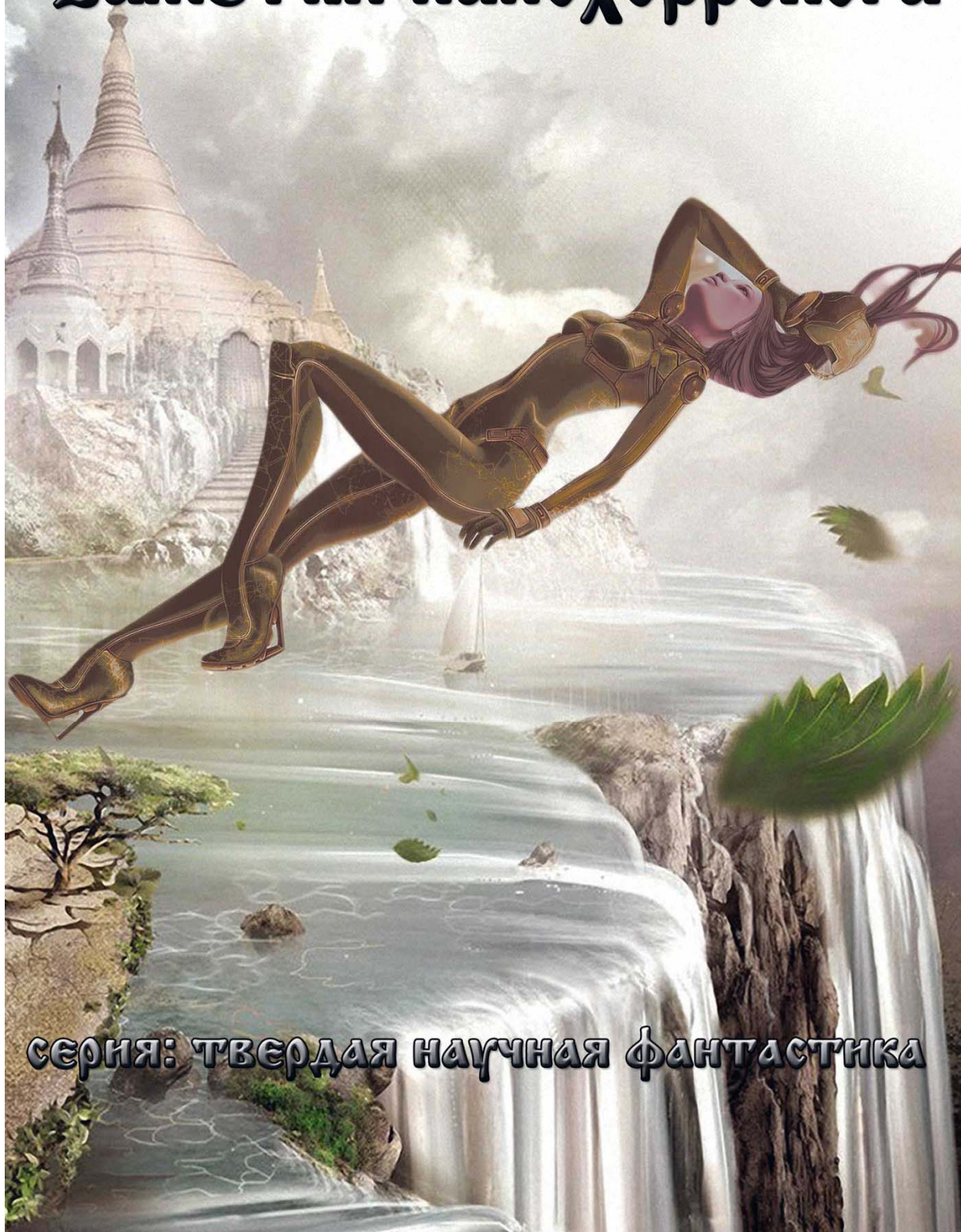

Елена Зинченко

ЗАМЕТКИ НАНОХОРРОЛОГА

СЕРИЯ: ТВЕРДАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Повесть Елены Зинченко «Заметки нанохорролога» создана в жанре «твердой» научной фантастики. Ключевая тема – технологическая сингулярность, связанная со стремительно развивающимися технологиями. Вы узнаете много интересного о нанохоррологии – науке будущего (ее название произошло от слова «ужас» – амер. «horror»), которая изучает сложные закономерности саморазрушения цивилизации, ее наиболее уязвимые места. Любовный треугольник и детективная сюжетная линия повествования привнесет дополнительную интригу...

Автор книги Елена Зинченко – член Национального Союза Писателей Украины, член Международной Гильдии Писателей, лауреат международного фестиваля «Русский Stil – 2013» и обладатель главного приза – Золотой Ники, лауреат конкурса «Зеленая волна – 2012» и Кварнерского турнира, дипломант Корнейчуковской премии – 2013 (Украина) и Международного конкурса короткого рассказа им. В. Г. Короленко (Санкт–Петербург)... Иллюстратор обложки — Елена Зинченко.

Елена Зинченко

Заметки нанохорролога

Об авторе

Зинченко Елена Васильевна (псевдоним Елена Померанцева) — успешно совмещает адвокатскую практику с творческой деятельностью. Член Национального Союза Писателей Украины; Региональный Представитель Международной Гильдии Писателей (МГП — Германия) в Украине (г. Киев). В писательском архиве: исторические, приключенческие романы, детективы, сценарии к кинофильмам и анимационным фильмам, пьесы, сказки и сказочные повести для детей, фольклорные легенды, саги, очерки, эссе. Издаётся в Украине, России, Грузии, Германии, Израиле, Канаде. Публиковалась в международных альманахах: «Созвучье муз» (2013, 2014 гг. Германия), «Русский Stil-2013» (2013 г., Германия), «Библиотека Русского Stil-я. Новые имена в литературе. Выпуск 5» (2014 г., Германия); в международном сборнике сказок «Дорогой сказок» (2012 г., Германия); в периодической прессе — в журналах «Лига Культуры» (Израиль-Украина), «Новый Ренессанс» (Германия), «Эгоист generation» (Россия, г. Москва), «Берега» (Россия, Калининград), «Приокские зори» (Россия, Тула), детском альманахе «Улитка» (Германия-Бельгия) и др. Ведёт рубрику «Компьютерные сказки» в международном детском журнале «Эмотикон» (Германия).

Лауреат международного литературного конкурса «Зелёная волна-2012. Есть город, который...» в номинации «Проза»; Лауреат Кварнерского турнира — 2013 г. (Хорватия), Дипломант Корнейчуковской премии в номинациях «Драматургия»; Лауреат международного Фестиваля «Русский Stil-2013» (Германия) в номинации «Луч надежды» (писателей, пишущих на немецком языке) с вручением главного приза Фестиваля — статуэтки Золотая Ника и золотой медали в этой номинации, а также дипломант того же конкурса в номинации «Публицистика и эссеистика» с вручением бронзовой медали, двукратный лауреат литературных конкурсов журнала «Эгоист generation» (г. Москва); Дипломант II конкурса короткого рассказа им. В.Г.Короленко (г. Санкт-Петербург).

О книге: Если Вы — фанат жанра «твёрдой» научной фантастики, в основе которой лежат фантастические допущения в области науки (как естественной, так и гуманитарной) и техники, то эта повесть — для Вас. Ключевая тема повести — технологическая сингулярность, связанная со стремительно развивающимися технологическими областями: компьютерные системы и сети, искусственный интеллект и робототехника, биотехнологии и биоинформатика, нанотехнологии. Вы узнаете много интересного о нанохоррологии — науке будущего, название которой произошло от слова ужас (америк. horror). Она изучает сложные закономерности саморазрушения цивилизации, её наиболее уязвимые места. Любовный треугольник и детективная сюжетная линия повести привносит дополнительную интригу.

Пролог

Я не буду биться об заклад, что окажусь самым интересным собеседником из тех, с которыми Вам довелось общаться, но — готов поспорить, что я — самый необычный, нет — самый нереально необычный из них! Я никогда не был писателем (да, честно говоря, никогда и не мечтал о таком счастье), и уж тем более, не был писателем-фантастом. Однако, то, о чём я хочу Вам поведать, явно не вписывается в обычные рамки... хм... рамки — я и сам теперь вне всяких рамок! Ещё бы! Ведь теперь я — лишь горстка праха — пепла, который несколько секунд назад развеяли согласно моему завещанию над океаном, над этой вольной и бескрайней водной громадой...

Вода... для кого-то — банальный оксид водорода, хотя и одно из самых распространённых и жизненно важных веществ, но для меня — смысл всей моей жизни, и, как оказалось — моя стихия после смерти. Ещё доли секунды и частицы моей субстанции, называемой пеплом, соприкоснутся, сольются с молекулами воды. Мой самый загадочный сон станет реальностью... Он снился мне постоянно, после того, как со страниц уникальной книги Луки Пачоли «О совершенстве мира» родом из XVI столетия, передо мной предстала совершенная молекула, нарисованная гениальным да Винчи. Она сияла, переливалась, демонстрируя безупречность своей огранки симметрии пятого порядка — 60 атомов формы усечённого икосаэдра. И пусть Вас не заботит это мудрёное слово — достаточно того, что оно просто ласкает ваш слух — ведь оно также красиво и изысканно, как хрустальные октавы множества таких молекул, сливающихся в моих снах в мелодичную симфонию воды, созданной мною — воды нового мира, в котором множество химических и физических процессов происходит по неизвестным донныне законам. Думаю, вы, хотя бы краешком уха слышали о таком? Да, верно — я о нём самом — о наномире...

Вот Вы — например, хотя бы раз мечтали об иных мирах? Что? Вы хотели переделать мир? Удивительно, а я-то, по простоте душевной, считал, что только поколение наших дедов сгоряча, начитавшись Маркса, но толком так и не изучив законы мироздания, стремилось его перекроить! Не скажу, чтобы я был белой вороной, но мне не хотелось переделывать мир и людей, я жаждал создавать иные миры. Нет — я не мечтал о создании сверхчеловека и мира, живущем по его законам, как Ницше. Альтернативная Вселенная, в основе которой лежали бы только, к примеру, нанотехнологии, и которая со временем довела бы искусственный, псевдореальный мир до мира с неотличимым от реальности качеством, в котором господствовал бы искусственный самоидентифицирующийся интеллект, меня тоже не привлекала. Я хотел смести существующие устои и создать уникальную лабораторию, в которой естественные науки были бы насыщены импульсами интеллектуального творчества, лабораторию, которая представляла бы из себя симбиоз нанотехнологий и гуманитарных инноваций. Во всём есть своя философия — куда от этого денешься? Вы можете себе представить наноробота с душою лирика и программой, разработанной на постулатах Спинозы, Беркли или, к примеру, Канта? Круто? Вы спросите, причём здесь вода? Не думал, что, будучи пеплом, фонтанирующим в воздухе — в доле секунды лёту от водной глади, сохраню способность кого-то интриговать! Но — обо всём по порядку. Как там, у древних римлян? Помните? Храни порядок и порядок сохранит тебя!

Порядок и правила... сейчас, вероятно, никто и не вспомнит, с каких пор они стали непреложной нормой жизни. С какого-то момента люди уже не имели права выбирать — они обязаны были слепо следовать правилам, утверждённым Высшим Советом Страны. Они напрочь забыли, что сами правила и порядок были выработаны в процессе проб и ошибок человечества. Каждое движение имело свои правила — как в игре. Однако люди не знали, что такие, казалось бы, одинаковые для всех правила имеют массу исключений для избранных. Думал ли я о правилах и исключениях, когда судьба дала мне шанс изменить мир, а я решил пойти дальше — я решил создать свой мир?

Я сидел в ЕГО кабинете и внимательно слушал ЕГО, стараясь понять, насколько ОН достоин того, чтобы вершить судьбы человечества... насколько ОН достоин принять из моих

рук моё открытие — этот ключ к созданию нового мира или... всё-таки к кардинальным переменам старого (???), но всё же, обновлённого до такой степени, что его, в итоге, можно будет назвать новым...

— И — пожалуйста, не забывайте, что Вы не только курируете этот проект как выдающийся учёный, возглавляющий НИИ нанохоррологии цивилизации и окружающей среды, но и, как руководитель научно-экспериментальной лаборатории, созданной при нашей корпорации, полностью отвечаете за содержание той научной информации, которую предоставляете СМИ. Помните — лучше выдать людям хоть какую-то более или менее обоснованную научную гипотезу, чем раздражать их формулировками типа «это сложно, не пытайтесь понять...». Современные журналисты мало отличаются от своих предшественников, которые готовы были назвать Эйнштейна дурачком за то, что он показал всем язык, и перевирали информацию практически на все сто. Поэтому я не хочу, чтобы Вас все считали неадекватным учёным, верящим в мифы о воде, о её памяти и свойстве реагировать на наши слова и фразы. На мой взгляд, Ваши «перлы» о наночастицах и жидких кластерах воды, обладающих «прочными межмолекулярными связями» — прекрасная тема для тех, кто пытается «засунуть свой нос» куда не надо и увести их от истинной темы исследований нашей лаборатории, пусть даже ценой частичной потери Вашего научного авторитета! — ОН поднял взгляд на настенные часы и его брови удивлённо подпрыгнули. — Да мы с вами, никак, пропустили самое интересное: тридцать минут назад началась межконтинентальная онлайн-конференция Авторов Научных Открытий!

С этими словами ОН подключился к системе видеоконференцсвязи. Кабинет окунулся в 11D коридор-эмиттер, и мы оказались среди участников конференции. Нас окружали взволнованные лица учёных. Трудно было поверить, что за тридцать минут работы градус страстей участников конференции достиг такого накала. Ведь, очевидно, лишь несколько минут назад главный докладчик закончил свой спич. На незадачливого докладчика сыпался град колких реплик и едких вопросов, щедро «производимых» коллегами:

— Каким таким загадочным образом Вы собираетесь очищать сточные воды от иогенных примесей сорбентом? Вы что, забыли о статуте по иогенным примесям?

— Зачем изобретать велосипед? Наше население давно уже пьёт чистую воду, пищевая промышленность давно модернизирована и химическая нагрузка на водные объекты доведена практически до нуля! Уже давно разработан способ промышленного производства экологически чистых и главное — безопасных углеродных наноструктур с уникальными сорбционными свойствами, что позволило нам полностью забыть о древних ископаемых — сорбентах из гранулированного активированного угля кокосового ореха!

— Это Вы о графенах что ли? Вы ещё вспомните такое старьё, как активированный уголь!

— Вы и в самом деле считаете углеродные наноструктуры экологически безопасными?

— Господа, нам только что поведали о новом нанохламе, которого в мире и так предостаточно!

ОН раздражённо поморщился и игра источников света и угла зрения, подчинённая ЕГО жестам, называемая 11D эффектом, вернула нас в кабинет. Он устало откинулся в кресле.

— Как сами видите — на этой ниве — всё по-прежнему. У Вас нет достойных конкурентов. И вряд ли они появятся в ближайшее время! Но это совсем не значит, что я буду терпеливо ждать, пока Вы удовлетворите своё научное любопытство за счёт дальнейших инвестиций нашей корпорации. Вы получили достаточно денег, и у Вас было предостаточно времени. Я понимаю, что перед Вами была поставлена серьёзная задача — Ваша разработка — это не банальная нанокружка из титанового ангидрида и окиси цинка и не пакетики наночая для мелкого опта. Но у меня — тоже есть свой бизнес-график. Ровно через неделю *наше* изобретение должно быть заявлено на выдачу свидетельства госрегистрации на продукцию, изготовленную с использованием нано материалов и нано технологий!

Глава 1

«...Хм... у него свой «бизнес-график»... Вы только подумайте! Недаром учёные неоформата (а я всегда скромно считал себя гением неоформата) панически боятся бизнеса и коммерции. Да и как их не бояться? Ведь они — палачи гуманитарных дисциплин, которые в нашей лаборатории занимают не последнее место! Но сейчас — не те времена! Это раньше интеллектуалы скромно сторонились современности — научно-технического прогресса и всего, что с ним связано. Ныне интеллект — двигатель рынка и экономики, и я продемонстрирую тебе и тебе подобным, что достижения современной науки должны работать не на мир чистогана, а именно на интеллектуально-научную элиту и человечество! Да, без ЕГО инвестиций и финансирования ЕГО корпорацией нашей лаборатории, ЭТО ОТКРЫТИЕ было бы невозможным, но... Ведь для достижения благородных целей — хороши все средства!» — примерно так я рассуждал, направляя свои стопы в лабораторию — в то место, которое в последние полугодие заменило мне родной дом, так как я практически переселился туда.

Но я не мог пенять на судьбу — все мы — сотрудники лаборатории 2X Корпорации «НАНО» работали в таком режиме. Потому что все мы были в той или иной мере одержимы общей идеей, которая, благодаря нашим усилиям, наконец-то трансформировалась в открытие. Мы — это четвёрка учёных, каждый из которых уникален, но в то же время наделён той самой чертой преданности научной идее, которая делала нас похожими друг на друга. Высокий застенчивый голубоглазый рыжеволосый веснушчатый нанофизик Фёдор был олицетворением представляемой им науки — физики объектов, созданной искусством экспериментаторов. Так же, как и изучаемые им объекты, существующие по законам квантовой механики, попадая в новые комбинации, начинали нарушать, казалось бы, предусмотренный матерью-природой порядок, Фёдор, изредка попадая из своего уютного и понятного ему наномира в мир человеческий, чувствовал себя крайне неуютно и воспринимался окружающими не иначе как фрик, которому неведом порядок в этом чуждом ему мире. Практичный, немногословный, всегда подтянутый, словно зачехлённый в свой безупречный костюм-тройку нанохимик Пётр являл собой явный противовес слегка рассеянному и неприспособленному к жизни Фёдору. Глядя на его сосредоточенное лицо и пытливые карие, всегда чуть прищуренные глаза, вспоминался постулат аксакала физики Фейнмана о том, что проникновение в наномир — это бесконечный путь исследователя, на котором он практически не ограничен материалами, но следует лишь за собственным разумом. Таким людям, как Пётр никогда не будет угрожать горе от ума — слишком они разумны. И именно наличие таких людей, как Пётр в команде, дисциплинирует её — не будь его, мы бы вообще забыли о том, что сутки ещё делятся на день и ночь, уж не говоря о существовании утра и вечера. Нанобиолог — голубоглазая блондинка Зоя... боюсь, что здесь я буду пристрастен... Очень надеюсь, что думая обо мне, она считает так же. Для того чтобы рассказать, какая она и как я к ней отношусь — нужны специальные *человеческие* слова, которыми я разговаривать не умею. Не удивляйтесь — ведь я — философ, специализирующийся на нанохоррологии, поэтому запросто могу «включить» анализ истоков и процесса эволюции понятий любви и дружбы. В итоге — не только Вас, но и сам себя загоню в тупик противоречием между определением этого чувства классиком Аристотелем и стариной Фрейдом, а также взглядами современной науки на этот вопрос. Первый считал, что целью истинной любви является не чувственное влечение, а дружба, второй же считал любовь иррациональным понятием, из которого исключено духовное начало. Современная же наука давно подвела научную базу под понятие «вечной любви». Учёные уже давно измеряют привязанность уровнем гормона окситоцина, который и отвечает за это чувство и изменяется со временем. В семейном статуте давно уже существует правовая норма, согласно которой, если у супружеской пары уровень дофамина (гормона удовольствия жизни), свидетельствующего о наличии любви и удовлетворённости друг другом упал и не соответствует низшей отметке детектора гормонов, и не заменён

окситоцином, либо уровень последнего тоже ниже необходимой отметки, брак, при волеизъявлении хотя бы одной из сторон, расторгается в упрощённом порядке — на основании медицинских показаний.

Теперь — несколько слов обо мне, вернее — о моей профессии, истоки которой — в философии. И не думайте, что философы — необыкновенные люди: напротив, они — самые что ни на есть обычные люди. Просто чуть-чуть смелее — они не боятся заглядывать туда, куда другие даже смотреть опасаются — в будущее или далеко в прошлое. Древние говорили: если человек готов пожертвовать собой ради истины — он настоящий философ, а если он готов пожертвовать истиной ради ближнего — он настоящий мудрец. Такого выбора передо мной ещё не вставало, поэтому, наверное, рано судить обо мне, с точки зрения столь высоких категорий... Что? Вас испугало жутковато звучащее название моей специализации — нанохорроллог? Вы правильно догадались, со словом ужас (америк. horror) оно не только имеет много общего, но и произошло-то оно, собственно, от этого слова. Я изучаю сложные закономерности саморазрушения цивилизации, её наиболее уязвимые места. Не удивляйтесь — появилась и такая наука! Она исследует всевозможные ловушки тех изобретений прогресса цивилизации, которые могут быть обращены против неё же самой. Чем совершеннее цивилизация, тем выше риск её гибели именно от своих же достижений. Ведь любое из них может быть обращено и использовано против неё — медицина, средства коммуникации и транспорт, атомные и космические станции, водохранилища. Смерть в центрах цивилизации — мегаполисах подстерегает на каждом шагу — от бытовых аварий до катастроф и крушений, от эпизодических вспышек заболеваний, принесённых новыми вирусами, до масштабных эпидемий. Поэтому современная цивилизация боится сама себя... Нет — «боится» — это неверное слово: она пребывает в ужасе; ибо страх — это лишь слабый симптом ужаса, ужас же — пограничное состояние, паралич от страха. Напряжение современной цивилизации, достигшее апогея и породило своеобразную «смену поколений» науки. Сначала экологию (как науку, изучающую все сложные взаимосвязи в окружающей среде) практически вытеснила хоррология (наука о системе капканов цивилизации и о человеке, как её заложнике; наука, которая хоррифицировала абсолютно все предметы и явления вокруг, превратив их в источник повышенной опасности и ужаса); затем, со стремительным развитием нанотехнологий, возникла необходимость в нанохоррологах, потому что цивилизация вошла в зону пограничного риска. Как видите, хоррологи не без оснований считали, что ступеньки прогресса ведут на эшафот... Нанохоррологи более циничны: мы констатируем факт — все ступеньки пройдены, пора отвечать за то, что человечество поддалось соблазнам цивилизации!

Однако хватит о грустном! Я распахнул двери лаборатории. Если Вы ожидали здесь увидеть лабораторию, напичканную техникой и последними инновациями, вы ошиблись. Наши хиты нанодостижений человеческого разума не совсем вписывались в понятие суперлаборатории. Первое впечатление, которая она производила — буйство солнечного лета, которое щедро дарила глянцева весёлая зелень листвы растений, населявших её помещение. И слух не обманывал посетителей, которые, попав сюда, озадаченно поднимали голову вверх, стараясь обнаружить источники переливчатых птичьих трелей — на ветвях исполняли свою весенне-летнюю кантату стайки разномастных пичуг. И всё это великолепие отнюдь не выполняло функцию «уголка отдыха сотрудников», а представьте себе — было лишь производственным инвентарём ряда экспериментов, посвящённых исследованию квантово-биологических феноменов, обусловленных процессом фотосинтеза этих дивных растений. Не хочется Вас напрягать очередными «заумными» терминами, но — не могу удержаться: именно нашей славной четвёрке удалось «запарашютить» «золотую формулу пропорций» зависимости оптимальной эффективности прохождения энергии через белковые матрицы от долго сохраняющегося состояния квантовой когерентности. Наше детище — весьма скромного внешнего вида и компактного размера квантовый биокомпьютер, совершенный аналог работы человеческого мозга, который должен был продемонстрировать все тайны работы человеческого сознания — был принят в наш дружный коллектив в

качестве пятого сотрудника. У него даже было своё имя — Квант 121. А птицы — они остались «в наследство» от предыдущего промежуточного заказа уже небезызвестного Вам нашего инвестора — корпорации «НАНО»: изучив механизм навигации птиц, мы изобрели матрицу Зенона, основанную на одноимённом квантовом эффекте, который помогает птицам определять направление магнитного поля Земли. Благодаря этой матрице отпала необходимость в различного рода навигационных системах и корпорация «НАНО» превратилось в крупного монополиста в этой области. Теперь достаточно было имплантации крошечной матрицы в человеческий организм, чтобы наделить его свойствами птицы — безусловно ориентироваться в любых условиях! Теперь Вы понимаете, чем обусловлено доверие, оказываемое нам таким финансовым монстром современности, как «НАНО»?!

Ваш взгляд привык к зелени листы? Присмотритесь! Ну что — увидели «вторым взглядом» то, что не бросилось Вам в глаза «на первый»? И как — впечатляет? Ещё бы — это не может не впечатлить: в нашей лаборатории не было стен, пола и потолка! Вернее они были, но — какие! Это была вода, ограниченная прозрачным, вернее прозрачно-невидимым нанопластиком. Нет, этот эффект не достигался степенью прозрачности этого чудного материала из наночастиц, обладавшего свойствами тепло и электропроводности, не боящегося огня — скорее, это был эффект игры света, воды и наночастиц, благодаря которому нано пластик и был невидим. И это была не просто вода — самая аномальная субстанция на земле... И уж совсем не просто вода стояла на столе в антикварном гранёном графине времён утопии — развитого социализма, сделанном из настоящего стекла. Я понимаю, что подобные (безумно дорогие, а к тому же ещё и хрупкие) вещи должны находиться в музее, но графин был мною подарен Зое — страстной любительнице винтажа — на её день рождения. И сейчас к этой изящной и древней вещице были прикованы восхищённые взгляды Фёдора и Петра. Казалось, даже Квант 121, стоящий на столе рядом с графином, всеми фибрами своей квантово-редуцированной души устремился к предмету всеобщего сосредоточения. Если Вы думаете, что все они не могли оторвать глаз от гранёного совершенства, Вы заблуждаетесь. Конечно же, объектом внимания восторженной аудитории, являлось содержимое графина. Зоя, оторвав взгляд от видеопанели нанодатчика флюороноскопа, перевела проекцию изучаемого образца через стереосистему визуального наблюдения на дисплей Кванта 121. Все устремили свои взгляды туда. На экране выплывали дружную «чечётку» ассоциаты молекул воды, облачённые в невидимые обычному глазу нанокapsулы, которые, словно по волшебству, синхронно выкристаллизовывались в форме двойных спиралей, напоминающих основу жизни — молекулу дезоксирибонуклеиновую кислоту — ДНК. Раньше для такой метаморфозы требовались сверхнизкие отрицательные температуры и сверхвысокое давление внутри нанотрубок. По выражению лиц присутствующих можно было сделать вывод о том, что, по меньшей мере, они разгадали нанотайну века. На дисплее Кванта 121 красовалась матрица для синтеза ДНК и считывания информации.

— Подтверждено! — одновременно выдохнули Пётр и Фёдор.

— Итак, господа, в реальных экспериментальных условиях с использованием инфракрасной спектроноскопии и спектроскопии нейтронного рассеивания полностью подтверждено существование макромолекул воды с необходимыми нам свойствами! — резюмировал Пётр.

— Да-а-а, теперь системе не нужно балансировать между разными фазами от газа — к жидкости — к твёрдому телу — все три состояния воды могут существовать одновременно, обуславливая её особые свойства! И всё это — без факторов температуры и давления! Переход между состояниями породил структурные превращения, в результате которых появилась новая форма, не существовавшая ранее! Мы добились ПОСТОЯННОГО состояния «критического перехода»! Невероятно! — воскликнула Зоя.

— Ну, положим, и до нас был известен феномен «подвешенной области», причём, достаточно надёжный и долгоживущий феномен! — задумчиво поскрёб в затылке Фёдор.

— Однако до нас, друзья мои, насколько мне известно, ещё ни у кого не получилось

заставить нанотехнологии удовлетворить индивидуализированный спрос! — огорошил я увлечшихся и не заметивших моего присутствия коллег. — Ведь теперь вода сможет приспособливаться под каждого потребителя индивидуально.

Головы присутствующих, как по команде, повернулись в мою сторону.

— Ну, что? Ты был у НЕГО? Он всем доволен? Сколько у нас ещё времени? Как прошла встреча? А конференция — мы не успели поучаствовать?! — они засыпали меня вопросами.

— Да, всё идёт своим чередом. Как ОН может быть недоволен? Волноваться нечего — мы, а вместе с нами и корпорация «НАНО», вернее, мы вместе с ними — в зоне государственной политики. Ведь отрасль водоснабжения, так или иначе, всегда была, в рамках государственной ответственности. И нет пределов совершенству — людям нужна вода высшего качества! Наша вода — практически лекарство, льющееся из крана, считывающая информацию с человеческих ДНК и побеждающая все недуги, о которых она была проинформирована этими клетками! — парировал я.

— Вот именно — мы изобрели фактически панацею от всех человеческих недугов. Думаю, на этом и надо остановиться. Проект завершён. А твоя, Алекс, сверхидея о спасении человечества пусть пока таковой и остаётся! — бросил в мою сторону Пётр. — Да и не верится мне в то, что проблемы человечества можно вот так просто — взять и разрешить. Иногда необходимо прислушаться к мудрости древних, а они говорили — «нет человека, нет проблемы!» Поэтому, какие бы догмы идеального человечества ты не закладывал в матрицы воды, тебе не удастся искоренить мировое зло, пока существует человек. Или ты хочешь, чтобы человеческая биооснова постепенно элиминировала и человек, в итоге, превратился в киборга?

Произнося свою язвительную речь, краешком глаза Пётр наблюдал за реакцией Зои. Я знал, что к ней равнодушен не я один. Зоя задумчиво перевела взгляд с монитора на меня. Когда она так смотрела, мне не хотелось рассуждать о проблемах человечества. Неожиданно она опередила меня, включившись в разговор:

— Саша прав: хоррификация достигла предела, просто мы стараемся не думать об этом и мифы о конце вселенной считаем лишь мифами, а человечество уже давно — на краю пропасти и единственным гарантом человеческой безопасности может быть только добрая воля каждого из нас по отдельности и всех людей вместе. Но весь парадокс в том, что прав и ты, Пётр! Гарантия человеческой безопасности, о которой я только что сказала — невозможна, пока мы остаёмся людьми! Ведь человеческий фактор стоит за всеми изобретениями цивилизации, и способность ко злу у человеческой воли никто не блокировал! Подумай об этом, Алекс! Нам никто не давал санкции на эксперименты подобного рода с таким количеством людей! Ведь ты сам только что сказал, что «наша» вода будет задействована в государственной программе водоочистки и водоснабжения.

— Послушайте, но ведь мы неоднократно обсуждали с вами эту тему! — я начинал раздражаться. — Я не собираюсь вкладывать в матрицу догмы таких противоречивых философов, как Руссо и Ницше, болезненный гений которых граничит с патологией! Я создал стройную и логичную квинтэссенцию философии из постулатов подвижников мысли с динамичным эпическим, лиричным складом учений. Это — Аристотель, Сократ, Кант, Спиноза, Гегель, Спенсер! Я только «загнал» в матрицу задолго до меня сформулированную формулу добра. Это весьма простая формула такой формы отношений между людьми, в которой присутствует духовное единение между ними, нравственная связь и бескорыстная помощь, за которую не нужно ожидать вознаграждения. Что же в этом плохого?

— Хотя бы то, что те же самые философы давно решили, что добро и зло — личное дело каждого. И лично мне не нравится, что с водопроводной водой я буду потреблять какие-то формулы и модели поведения. Есть в этом что-то навязчивое и неестественное! — сопротивлялся Пётр. — И сложно предсказать, какие санкции к нам будут предприняты, если заказчик, а вместе с ним и Правительство узнают, что они «вкушают» не просто чистую, исцеляющую от всех недугов воду, а их ещё и пичкают правилами жизни!

— А я за Шурика! — решительно поддержал меня Фёдор. — Я не против совершенствовать своё естество. К тому же — напомним Вам, что мы всё-таки задали таким субъективным понятиям, как мораль и этика весьма объективную систему координат! Например — универсальный Закон Вселенной — Второй закон термодинамики. Только такой гений, как Алекс мог равновесное состояние энтропии, олицетворяющей регресс, хаос и деградацию с одной стороны, и негэнтропии, являющей собой разум, прогресс и жизнь с другой стороны, перевести в состояние явного перевеса негэнтропии!

Намеревавшегося возразить Петра, прервал сигнал Зоиноного кватебиофона — устройства для квантовой телепортации. Зоя, извинившись за вынужденную помеху всеобщей дискуссии, активировала кватебиофон. Возникла окутанная сиреневатым туманом капсула, которая на время разговора скрыла Зою и телепортировавшийся к ней объект из нашего поля зрения.

Пётр впился в капсулу ревнивым взглядом, словно пытаясь проникнуть внутрь или, по меньшей мере, испепелить невидимый ему объект телепортации. Хорошо, что Зоин разговор длился недолго — она закончила сеанс связи и капсула исчезла столь же стремительно, как и появилась.

— Ребята, прошу прощения, но мне пора бежать — хочу успеть проводить гостивших у нас родственников. — Поспешно, уже убегая из лаборатории в личную комнату (таковые были у каждого из нас — приглядевшись, можно было увидеть по углам лаборатории гроты-коридоры, ведущие к ним), чтобы переодеться, поставила нас перед фактом Зоя.

— В любом случае — у нас есть ещё целая неделя, чтобы ещё раз всё хорошенько обсудить. — Миролобиво заметил Фёдор. — В конце концов, заказ-то мы выполнили, а объём и содержание информации, которую мы заложим в матрицу, всё равно можно корректировать. Так что расслабьтесь! И я тоже, с вашего разрешения позволю себе расслабиться и откланяюсь! Всё-таки я — человек семейный, а с этой работой, однако, скоро стану холостым. Давайте — по домам!

Никто и не собирался возражать Фёдору: как ни крути, а он был прав. Учёным, озабоченным судьбами человечества и круглосуточно кропящим над своими открытиями я бы, лично, вообще запретил вступать в брак. Фёдору ещё повезло — худенькая, тихая, такая же, как супруг, рыжеволосая Тина, видимо, знала секрет семейного благополучия. За три года их совместной жизни, судя по уровню допамина, зашкаливавшего в их крови (который Фёдор с явным удовольствием показушно измерял на нашем лабораторном нанодетекторе гормонов), в их семье было всё в порядке. А сейчас, к тому же, Тина ждала ребёнка. Так что пусть топают домой. Тем более что нам было что обсудить с Петром.

Как только за пределами лаборатории скрылся и Фёдор, в воздухе повисло напряжённое молчание. И причиной этого напряжения было не только несогласие Петра с моей концепцией «мудрой воды», несущей «доброе, вечное».

«Похоже, сейчас подтвердятся мои самые худшие предположения... Неужели он обо всём догадался и намерен «сдать меня» «НАНО»? Ну что ж — станет явью самый страшный кошмар нанохорролога — мои собственные теории и открытия превратятся в смертельный капкан для меня самого. Ну чем не класнючая иллюстрация квинтэссенции моей профессии?» — застучало у меня в висках.

Первым не выдержал, прервав молчание, Пётр:

— Ну что, так и будем «в молчанку» играть? Неужели ты считал себя непревзойдённым гением и думал что я, сырой и убогий так ни о чём и не догадаюсь? Да-а-а, Алекс, так-то ты ценишь своих коллег. Мало того, что я должен, «купившись» на твои догмы по совершенствованию рода человеческого, отдавать заказчику предмет заказа, не предоставив ему полную информацию о свойствах оного, так ещё и в итоге, оказывается, что заказчик оплатил совершенно не нужный ему предмет заказа, а точнее, его основную часть!

Я молчал. Обвинения, звучащие в мой адрес были небеспочвенны. Не то чтобы я хотел выяснить степень осведомлённости Петра, я просто не мог найти слов в своё оправдание. Вернее, я не мог найти таких слов, чтобы их понял Пётр.